

Ермолаев А. Н. «Красный бандитизм» как социально-политический феномен начала 1920-х годов (по материалам Северного Кузбасса) / А. Н. Ермолаев // Научный диалог. — 2019. — № 12. — С. 310—320. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-310-320.

Ermolaev, A. N. (2019). “Red banditry” as a Socio-Political Phenomenon of the Early 1920s (based on Materials from the Northern Kuzbass). *Nauchnyi dialog*, 12: 310-320. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-310-320. (In Russ.).

УДК 94(571.17)“192”

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-310-320

«КРАСНЫЙ БАНДИТИЗМ» КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН НАЧАЛА 1920-Х ГОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРНОГО КУЗБАССА)¹

© Ермолаев Алексей Николаевич (2019), orcid.org/0000-0001-6903-5883, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный исследовательский центр угля и углехимики Сибирского отделения Российской академии наук» (Кемерово, Россия), al-ermolaev@yandex.ru.

Актуальность исследования обусловлена наличием конфликтов в социальной и гражданской сферах жизни как в современной России, так и в мире. Исторический экскурс в рассматриваемую проблему будет способствовать выявлению причин противостояния в условиях социальных конфликтов, выработке мер, направленных на их устранение и преодоление. В статье рассматриваются вопросы, связанные с возникновением красного бандитизма на территории северной части современной Кемеровской области после окончания Гражданской войны. В научный оборот вводятся новые архивные материалы. Новизна исследования состоит в том, что на основе анализа данных корректируются выводы исследователей, занимавшихся историей красного бандитизма в Сибири. Автор останавливается на фактах проявления красного бандитизма в Мариинском уезде Томской губернии, раскрывает суть этого явления. Доказано, что причинами возникновения этого явления, помимо негативной реакции советской власти на колчаковский режим, низкого уровня политической и духовной культуры представителей новой власти, сильного влияния партизанщины, возникновения чувства безнаказанности и вседозволенности, фигурировали такие причины, как личная неприязнь и вражда между обычными жителями, а также элементарное желание присвоить чужое имущество.

Ключевые слова: Красный бандитизм; Кузбасс; Мариинский уезд.

1. Введение

Начало 1920-х годов — время завершения Гражданской войны в России. Она длилась несколько лет, миллионы людей погибли на фронтах, охвативших всю территорию нашей страны. Осенью 1920 года Красная армия разгромила войска П. Н. Врангеля в Крыму. В марте 1921 года закончилась советско-польская война, окончательно установилась западная граница Советской России. Сибирь была почти полностью занята войсками Красной армии в течение 1920 года, белая ар-

1 Статья выполнена в рамках программы СО РАН XII.190.2 «Историческое развитие Сибири в составе Российского государства: роль традиций и инноваций». Проект «Создание индустриальной базы на территории Кузбасса в конце XIX — первой половине XX вв.» (№ 0352–2019–0016).

мия А. В. Колчака разбита, а сам адмирал расстрелян. Только на Дальнем Востоке продвижение красных было остановлено. Из-за угрозы войны с Японией была создана буферная Дальневосточная республика. Завершение Гражданской войны сопровождалось антисоветскими восстаниями в Тамбовской губернии, Западной Сибири и других местах. Но с изменением внутренней политики советского правительства, в частности заменой продрозверстки продналогом, выступления против советской власти постепенно прекратились. Однако окончание Гражданской войны не остановило политическую борьбу, в том числе красный террор, начавшийся еще на первом этапе войны.

Феномен красного бандитизма — внесудебных расправ большевиков над своими политическими оппонентами — вызывал тревогу у представителей советской власти еще в начале 1920-х годов. Так член Сибирского областного бюро ЦК РКП (б) Емельян Михайлович Ярославский посвятил этому явлению специальную работу. Красный бандитизм он понимал «как грабежи, тайные убийства, расправы и другие факты, совершаемые не белыми, а “красными” или бывшими красными партизанами или членами РКП» [Ярославский, 1922, с. 3]. При этом преступники считали, что совершают не уголовное деяние, а «благородное и необходимое дело» и борются с контрреволюцией. Возникновение красного бандитизма Е. М. Ярославский связывал с сильным влиянием партизанщины на слабые советские органы власти, когда многие из бывших партизан, придя к власти, просто использовали свои прежние методы борьбы: убийства, разбои, грабежи [Там же].

В советской историографии, по понятным причинам, тему красного бандитизма обходили стороной. Только в начале 1990-х годов этот вопрос вновь был поднят в исторической литературе. Пионером стал новосибирский исследователь Владимир Иванович Шишкин, выступивший с обширной и в какой-то степени программной статьей по этому вопросу [Шишкин, 1992, с. 3—79]. В числе главных причин возникновения красного бандитизма Шишкин назвал реакцию на жестокий колчаковский режим. Боровшиеся с Колчаком подпольщики стремились к реваншу, жаждали мести и непосредственной расправы со своими политическими противниками. Государственная политика способствовала реализации их стремлений. Губернские ЧК и ревтрибуналы получили право выносить приговоры, предусматривающие высшую меру наказания, при этом культурный и политический уровень представителей новой советской власти был очень низок. В результате сложилась «атмосфера безответственности и вседозволенности для тех, кто был у власти», преступные деяния стали «нормальным средством разрешения социальных противоречий, политических и межличностных конфликтов» [Шишкин, 1992, с. 10—11].

Другие исследователи, изучающие красный бандитизм, придерживаются примерно таких же позиций. Так, по мнению А. Г. Теплякова, сведение счетов победителей с многочисленными сторонниками белой власти составляло цель красного бандитизма. На характерных примерах исследователь показал, что многие коммунистические ячейки превратились в настоящие бандитские шайки [Тепляков, 2000,

с. 83]. И. В. Ефремов указывал на то, что центральные власти очень лояльно относились к бывшим партизанам, чинившим убийства и расправы по собственному усмотрению [Ефремов, 2010, с. 135]. М. И. Вторушин показал, что бандитизм со стороны красных был «закономерным явлением истории Гражданской войны в Сибири», так как «отражал глубокие внутренние социальные противоречия сибирского общества» [Вторушин, 2013, с. 72].

2. Новые органы власти на территории Кузбасса

По мере освобождения Сибири от власти А. В. Колчака стали создаваться советские чрезвычайные органы управления. Высшим органом власти стал Сибирский революционный комитет (Сибревком), созданный на основе постановления ВЦИК от 27 августа 1919 года «Об организации гражданского управления в Сибири» [Сибирский, 1959, с. 53—54]. На местах создавались губернские революционные комитеты. Постановлением Сибревкома в декабре 1919 года был создан Томский губернский революционный комитет [Журенков, 2013, с. 62].

Параллельно стали создаваться уездные ревкомы. На территории современного Кузбасса в декабре 1920 года были организованы 3 таких ревкома: Мариинский, Щегловский и Кузнецкий. Они занимались самыми разнообразными делами: в их компетенции находилось школьное образование, здравоохранение, народное хозяйство, финансы, сбор налогов и т. д. Ревкомы решали важнейшие кадровые вопросы, занимались агитацией и пропагандой среди населения. Имели ревкомы и чрезвычайные полномочия: они могли передать суду революционного трибунала тех лиц, которые были замечены в преступлениях.

В мае 1920 года во всех уездах Томской губернии прошли выборы, после чего вся власть перешла в руки Советов и их исполнительных комитетов, а ревкомы были упразднены. Исполкомы Советов выполняли такие же обширные функции, как и ревкомы, при этом значительная часть бывших служащих ревкомов стала теперь работать в Советах и их исполкомах.

Инструментом проведения политики центральных властей на местах была милиция, которая обладала достаточно широкими полномочиями. Милиционеры занимались не только предотвращением преступлений и розыском преступников, но и административным надзором, охраной общественного порядка и т. д. [Исаев и др., 2019, с. 79—80]. Во всех городах, уездах и волостях были созданы подразделения милиции. Особенность советской сибирской милиции состояла в специфике ее кадрового состава: на службу шли в основном бывшие партизаны, участвовавшие в борьбе с колчаковским режимом.

При уездных управлениях милиции были созданы политбюро, которые заменили уездные чрезвычайные комиссии (далее — ЧК). Изначально в своей деятельности они руководствовались инструкцией Всероссийской чрезвычайной комиссии (далее — ВЧК) от 24 сентября 1920 года «Об организации политбюро при уездной милиции». Окончательное юридическое оформление они получили только в июне 1921 года, когда Ф. Э. Дзержинский подписал «Положение об уездных политических бюро». Политбюро имели двойное подчинение: с одной стороны,

они подчинялись губернской чрезвычайной комиссии, а с другой — губернской милиции [Шаталов, 2011, с. 110—111]. Основная задача политбюро состояла в выявлении и пресечении контрреволюционной деятельности. В вышестоящие губернские органы посылались так называемые двухнедельные сводки с изложением фактов спекуляции, бандитизма, общими сведениями об отношении к советской власти крестьян, рабочих, о деятельности духовенства и т. д. Через агентурную сеть, различного рода информаторов и осведомителей заведующие политбюро собирали и анализировали сведения о политическом положении в уезде [Гутман, 2011, с. 31].

Параллельно с советскими органами на территории Кузбасса были созданы партийные. По мере освобождения от колчаковских войск в Мариинском, Щегловском и Кузнецком уездах стали создаваться ячейки Российской Коммунистической партии (большевиков) — РКП (б). В конце 1919 — начале 1920 годов на территории Кузбасса были созданы три уездных комитета: Щегловский, Мариинский и Кузнецкий. В течение 1920 года появилось несколько сотен коммунистических ячеек, в которых числилось около 7 тыс. членов РКП (б) [Очерки, 1973, с. 159—160].

3. Красный бандитизм на территории Кузбасса

Первые факты красного бандитизма были изложены в докладе заведующего Мариинским политбюро Константина Зыбко в марте 1921 года. Пробыв в должности всего месяц, он обнаружил, что в Мариинском уезде «широкой волной производится партизанский террор, руководителями которого до некоторой степени являются начраймилиции, так как почти все они руководители бывших партизанских отрядов» [ГАТО, ф. р-236, оп. 2, д. 100, лл. 37—38 об.]. Зыбко описал типичный способ террора. Он утверждал, что руководители комячейки и милиции заранее выбирали себе жертву из числа тех лиц, которые были замечены в контрреволюционной деятельности, но отпущены по суду или по амнистии на свободу. Потом они разыгрывали целый спектакль. Одна группа милиционеров играла роль представителей советской власти, другая — бандитов. Около дома, где проживала выбранная жертва, происходила «перестрелка» между двумя этими группами. Побеждали «бандиты», которые вламывались в дом, допрашивали хозяина, отбирали вещи, а его самого расстреливали. Спектакль нужен для того, чтобы подозрение падало на неизвестных бандитов, а не на милицию. Второй способ расправиться с так называемыми контрреволюционерами — простое похищение. Под видом бандитов милиционеры хватали кулаков, попов, бывших белых и просто увозили их в неизвестном направлении. Потом обнаруживались трупы этих людей. Для запугивания населения милиция и коммунисты постоянно распускали слухи о деятельности банд численностью от 300 до 500 человек [Там же].

Вскоре сам К. Зыбко оказался впутан в репрессивную деятельность мариинской милиции. 25 марта 1921 года был арестован давно находящийся в розыске бывший колчаковский контрразведчик Петр Степанович Скворцов. Во время ареста у него были изъяты различные прокламации и воззвания, адресованные к «на-

роду Суловской и Рубинской волостей». В этих документах новая власть называлась «несносным коммунистическим игом». Утверждалось, что коммунисты «завладевают советской властью, подставляя вместо таковой диктатуру пролетариата, то есть неграмотную власть босяков и мерзавцев» [ГАТО, ф. Р-236, оп. 2, д. 269, лл. 175—180].

На допросе Скворцов признался, что действительно служил в колчаковской контрразведке, но при этом вел себя «пассивно» и не причинял никакого вреда. Отступая с войсками Колчака от Красной армии, он остался в Мариинске. В городе и уезде он перебивался случайными заработками, скрывался от властей, но иногда работал официально, устраиваясь через Биржу труда. На его иждивении были жена, старуха мать и трехмесячный ребенок. Будучи под арестом, он написал подробную автобиографию, в которой попытался объяснить хранение у себя антикоммунистических листовок и прокламаций. Скворцов утверждал, что писал воззвания «по бессознательности», что он был распространителем «буржуазным фанатизмом» и что сильно раскаивается в этом [Там же, лл. 4—7].

Однако, несмотря на чистосердечное признание, уполномоченный Мариинского политбюро предъявил ему обвинение в создании «подпольной организации, выражающейся в вооруженном свержении советской власти». По делу Скворцова началось масштабное следствие. Всего было арестовано 17 человек. Среди них были не только те, у кого он скрывался после отступления белых, но и даже совершенно посторонние лица, не знавшие его лично.

Однако собранных следствием доказательств было недостаточно. В ноябре 1921 года уполномоченный по политическим делам Томской губернской чрезвычайной комиссии Розенфельд подписал «Заключительный акт» по делу Скворцова. Он признал, что «суть дела осталась не раскрытой», а само оно составлено «с топора». По делу проходят совершенно посторонние лица, которые «хватались и сажались без разбору». Что же касается прокламаций, то они представляют собой «бред психически не нормального человека». В результате он постановил прекратить следствие, а дело сдать в архив. Пострадавшим оказался лишь сам Скворцов, который был убит при попытке к бегству [Там же, лл. 175—180].

Между тем мариинские милиционеры продолжали поиски «контрреволюционеров» по всему уезду. В июле 1921 года от нескольких информаторов были получены сведения о том, что многие крестьяне деревни Константиновки Суловской волости имеют при себе оружие и собираются поднять антисоветское восстание. Так, полуграмотный Федор Зизевский донес, что его пытались вовлечь в организацию, но он «испугался этой войны и выказал всю эту тайну <...> и отказался от ихней ангоризации» (видимо организации. — *А. Е.*). Далее он продолжал: «хочю все разъяснить, что это было у нас против Советской власти. Аружие сдал добровольно. И хочю раскацца чисто сердечно и хочю расказать, кто был в онгоризации». Далее он привел пофамильный список жителей деревни, включающий в себя его же родственников [ГАТО, ф. Р-236, оп. 2, д. 163, лл. 9—9 об.].

Милиционеры подготовили целую спецоперацию по аресту «контрреволюционеров», которой руководил председатель сельсовета Петухов. Был составлен список из 17 человек с указанием того, какое оружие имелось у каждого из них [Там же, л. 8]. Всех их под разными предлогами пригласили в сельсовет 7 августа 1921 года, где арестовали, допросили и отправили в Суслово. В волостном селе допросы продолжались, при этом арестованных избивали и угрожали расстрелом. Так, Семен Зизевский показал: «Помощник начальниками милиции свалил меня на пол и начал бить пинками, в побоях принимали участие очень много милиционеров. После битья меня утащили в темный и грязный подвал. Я там лежал без сознания» [Там же, л. 49]. Арестованный Анфиноген Каширин утверждал, что его сначала оглушили обломком кирпича, а потом избивали ногами «до беспамятества» [Там же, л. 63].

Аресты в селе продолжались около недели. К 14 августа было арестовано 37 крестьян. У 14 из них было найдено оружие, в основном трехлинейные винтовки, которые были изъяты [Там же, лл. 92–92 об.]. Все крестьяне утверждали, что нашли оружие при отступлении белых, кто в поле, кто в лесу, кто на покосе. Запасливые жители села прятали оружие где могли: в сене, в наземе, зерне и даже в воде.

Через несколько дней ареста всех отпустили, взяв с них «подписки о неотлучке». Вскоре дело было передано на рассмотрение представителей губернской чрезвычайной комиссии. 4 декабря 1921 года уполномоченный Томской губернского ЧК подписал «Заключительный акт», в котором признал, что дело было «раздуто» Мариинским политическим бюро. Никакого основания для ареста такого большого числа крестьян не было. В результате дело было закрыто, а заведующий Мариинским политбюро К. Зыбко был арестован и отправлен в Томск для разбирательства [Там же, лл. 121—121 об.].

Истинные причины арестов были не только в «раздувании» дела. Некоторые арестованные прямо указывали на то, что со стороны властей имели место личная неприязнь и даже вражда по отношению к участникам процесса. Так, Захар Воров дал показание, что еще в 1915 году Петухов сжег у него плотину. Воров неоднократно пытался заставить Петухова отремонтировать ее, но тот, став председателем сельсовета, начал мстить [Там же, л. 90 об.]. Степан Зизевский утверждал, что его пытались завербовать председатель комячейки Суменков и Поликарп Немцов: они предлагали сделку, в результате которой его бы арестовали за хранение оружие, но потом устроили бы побег, после чего он вышел бы на бандитов и сдал бы их властям. Но Зизевский отказался, за что по отношению к нему испытывали личную злобу члены комячейки и милиции [Там же, л. 81 об.].

Но на этом дело не закончилось. Уполномоченные томского губернского ЧК продолжили расследование деятельности мариинских милиционеров, поскольку к концу 1921 года накопилось много странных случаев гибели советских работников, священников и простых граждан. Постепенно стали выясняться шокирующие подробности этих смертей. По распоряжению губчека были арестованы почти все руководящие работники Мариинского политбюро и милиции. Следствие

доказало, что все они были причастны к убийствам, разбоям, грабёжам. Даже выдавшие виды томские чекисты признали, что «маринское дело» должно классифицироваться как «красный бандитизм».

Расследование велось в конце 1921 — начале 1922 годов. Было доказано 19 эпизодов преступной деятельности милиции. Оказалось, что еще 23 апреля 1921 года в селе Колеул милиционер Алексей Комаровский и уполномоченный продорганов Алексей Агейченко под руководством уполномоченного политбюро Крутицкого незаконно арестовали и убили секретаря волисполкома Юрия Наткина и делопроизводителя волостного земельного отдела Владимира Гольденберга. Имущество убитых было роздано гражданам села Колеул [Ярославский, 1922, с. 11]. 28 мая при конвоировании арестованного Льва Михлина милиционер Алексей Куц убил последнего, заявив, что тот пытался бежать. В ночь на 7 июня милиционеры А. В. Комаровский, Зиновий Степанов и Иван Кривенко убили секретаря маринского уездного трибунала Павла Святочевского. В тот же день по распоряжению начальника каталажной камеры Михаила Буторовского и Александра Могилевича был расстрелян арестованный Леонтий Мейзеров якобы при попытке к бегству. В июле милиционер Никита Пушилиин убил вблизи деревни Туенда конвоированного дезертира Трофима Красникова, заявив, что тот пытался бежать [Там же, с. 12].

В ночь на 7 июля начальник районной маринской милиции Сергей Калиняк-Гричановский, его помощник Михаил Набойченко, милиционеры Василий Бедрин, Николай Пучков, Андрей Дмитриев, Иван Ведяшкин и Овчаров убили в деревне Константиновке священника Шевелева и его жену. Убийство планировалось очень тщательно. Милиционеры заранее выяснили расположение комнат в доме, состав имущества и место его хранения. С целью сокрытия убийства заранее были вырыты могилы. Само убийство было совершено с особой жестокостью, попадьи убивали прикладами и добивали штыками. Все имущество убитых (мануфактура, одежда, обувь, серебряные изделия и т. д.) было поделено между преступниками. В дележе участвовали также те милиционеры, которые не принимали непосредственного участия в убийстве, а также руководители милиции [ГАТО, ф. Р-236, оп. 2, д. 152, лл. 106—109].

Кроме перечисленных убийств, милиционеры и работники политбюро участвовали еще в ряде эпизодов: арестовали в общей сложности 54 невинных крестьянина села Константиновского, избивали их и незаконно удерживали в течение 2—3 месяцев. А когда из Томска приехали представители губернского ЧК для выяснения обстоятельств незаконных арестов и странных смертей в Маринском уезде, был организован заговор с целью убийства этих людей. Заговором руководили заведующий политбюро уезда Константин Зыбко, начальник уездной милиции Александр Замятин, начальник районной милиции Сергей Калиняк-Гричановский, его помощник Константин Набойченко. Рядовыми исполнителями заговора были милиционеры уездной и районной милиции. Однако заговор был раскрыт, и всех причастных к нему лиц арестовали [Ярославский, 1922, с. 12].

23—25 января 1922 года на открытом судебном заседании Томского революционного трибунала был вынесен приговор по мариинскому делу. К смертной казни приговорили 14 человек, в том числе руководители политорганов и милиции (К. А. Зыбко, А. П. Замятин, С. А. Калинин-Гричановский, М. К. Набойченко) и 10 милиционеров. При этом Набойченко и еще пятерым милиционерам предусматривалось смягчение наказания с учетом их происхождения и «политической недоразвитости». Четверо фигурантов получили 3 года принудительных работ условно. Еще четверо были освобождены от наказания ввиду того, что они действовали «без разума совершения совершенного ими преступного деяния» [Ярославский, 1922, с. 16]. Приговор Томского революционного трибунала не был приведен в исполнение. Осужденные подали прошение о смягчении их участи. В результате Постановлением ВЦИК от 21 апреля 1922 года расстрелы были заменены тюремными заключениями на разные сроки. В частности, Зыбко был осужден на 5 лет заключения «со слабой изоляцией» [ГАТО, ф. Р-236, оп. 2, д. 100, л. 409].

После завершения судебного процесса над мариинскими милиционерами в январе 1922 года массового проявления красного бандитизма на территории Кузбасса не было.

4. Выводы

Советские деятели пытались оправдать такой феномен, как красный бандитизм, политической неграмотностью органов власти, а в некоторых случаях — революционной необходимостью. На последнем настаивали и сами фигуранты мариинского дела. Они считали, что раздавать вещи попов и кулаков бедным лицам — вполне нормальное явление. В какой-то степени это было продолжением Гражданской войны, когда озлобленные красные уничтожали своих противников, живущих с ними в одних селениях. Война провела черту между лицами, имеющими разный статус, превратив обычных соседей в недругов и даже врагов. При этом проблемы решались с революционной бесцеремонностью — убийствами и расстрелами. Не случайно почти никто из мариинских милиционеров не признал себя виновным, считая, что они вправе решать судьбы людей и даже лишать их жизни, если это необходимо [Ярославский, 1922, с. 9].

Красный бандитизм на территории современного Кузбасса имел типичные для этого феномена корни, описанные в историографии: продолжение политической и социальной борьбы после окончания Гражданской войны; стремление большевиков быстро уничтожить противников власти; низкая политическая культура новых властей; возникновение чувства вседозволенности и безнаказанности; сильное влияние партизанщины; реакция представителей советских властей на колчаковский режим. Однако можно отметить и некоторые новые черты красного бандитизма, проявившиеся в Кузбассе. К ним можно отнести простой грабеж с целью завладения чужим имуществом. Милиционеры считали, что имеют полное право отбирать его у других граждан и присваивать себе, типичным примером являлось убийство священника Шевелева. Кроме того, имело место сведение личных счетов:

у некоторых фигурантов марининского дела была личная неприязнь к своим жертвам. Получившие власть большевики сводили счеты с теми, кто когда-то им насолил или был неугоден не только по политическим мотивам, но и по личным. Красный бандитизм стал одним из последствий гражданской войны, которая тяжелым бременем легла на российское общество.

Источники и принятые сокращения

1. ГАТО — *Государственный архив* Томской области (ГАТО). Ф. Р-236 (Томский губернский революционный трибунал). Ф.-236. Оп. 2. Д. 100. Лл. 37—37 об., Л. 409. Д. 152. Лл. 106—109. Д. 163. Лл. 8, 49, 63, 81 об., 90 об., 92—92 об., 121—121 об. Д. 269. Лл. 4—7, 175—180.

2. *Сибирский революционный комитет* (Сибревком). Август 1919 г. — декабрь 1925 г. Сборник документов и материалов. — Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 1959. — 660 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вторушин М. И.* Красный бандитизм в Сибири как форма революционного терроризма : в 1919—1923 гг. / М. И. Вторушин // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2013. — № 1 (48). — С. 69—73.

2. *Гутман М. Ю.* К вопросу о политических бюро при начальниках уездных управлений милиций (1919—1922 гг.) / М. Ю. Гутман // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2011. — № 1 (49). — С. 28—32.

3. *Ефремов И. В.* К вопросу о красном бандитизме в Сибири в период окончания гражданской войны (на материалах енисейской губернии) / И. В. Ефремов // Наука и современность. — 2010. — № 2—1. — С. 135—137.

4. *Исаев В. И.* Деятельность милиции по осуществлению административного надзора на территории Сибири в 1920-е годы / В. И. Исаев, Д. Ю. Михеев // Историко-правовые проблемы : новый ракурс. — 2019. — № 2. — С. 79—91.

5. *Куренков А. В.* Томский губревком — чрезвычайный орган государственной власти (декабрь 1919 г. — октябрь 1920 г.) / А. В. Куренков // Вестник Томского государственного университета. — 2013. — № 366. — С. 61—64.

6. *Очерки истории партийной организации Кузбасса.* В 3-х частях. — Кемерово : Кемеровское книжное издательство, 1973. — Ч. 1—2. — 336 с.

7. *Тепляков А. Г.* Красный бандитизм / А. Г. Тепляков // Родина. — 2000. — № 4. — С. 81—86.

8. *Шаталов Е. А.* Политические бюро уездных управлений рабоче-крестьянской милиции : организационно-правовой и региональный аспекты становления и функционирования / Е. А. Шаталов // Право и государство : теория и практика. — 2011. — № 1 (73). — С. 109—112.

9. *Шишкин В. И.* Красный бандитизм в советской Сибири / В. И. Шишкин / Советская история : проблемы и уроки. — Новосибирск : Издательство «Наука», Сибирское отделение, — 1992. — С. 3—79.

10. *Ярославский Е. М.* О красном бандитизме (марининское дело) / Е. М. Ярославский. — Томск : Типо-литография томской железной дороги, 1922. — 16 с.

“RED BANDITRY” AS A SOCIO-POLITICAL PHENOMENON OF THE EARLY 1920s (BASED ON MATERIALS FROM THE NORTHERN KUZBASS)¹

© Alexey N. Ermolaev (2019), orcid.org/0000-0001-6903-5883, Doctor of History, chief researcher, Federal State Budget Scientific Institution “The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences” (Kemerovo, Russia), al-ermolaev@yandex.ru.

The relevance of the study is due to the presence of conflicts in the social and civil spheres of life both in modern Russia and in the world. A historical excursion into the problem under consideration will help to identify the causes of the confrontation in social conflicts, to develop measures aimed at eliminating and overcoming them. The article discusses the issues associated with the emergence of red banditry in the northern part of the modern Kemerovo region after the end of the Civil War. New archival materials are being introduced into scientific circulation. The novelty of the study is that based on the analysis of the data, the conclusions of researchers involved in the history of red banditry in Siberia are corrected. The author dwells on the facts of the manifestation of red banditry in the Mariinsky district of Tomsk province, reveals the essence of this phenomenon. It is proved that the causes of this phenomenon, in addition to the negative reaction of the Soviet government to the Kolchak regime, the low level of political and spiritual culture of representatives of the new government, the strong influence of partisans, the emergence of a sense of impunity and permissiveness, included such reasons as personal contempt and hostility between ordinary residents, as well as basic desire to appropriate another's property.

Keywords: Red banditry; Kuzbass; Mariinsky County.

MATERIAL RESOURCES

GATO — *Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti*. F. R-236 (Tomskiy gubernskiy revolyutsionnyy tribunal). F.-236. Op. 2. D. 100. Ll. 37—37 ob., L. 409. D. 152. Ll. 106—109. D. 163. Ll. 8, 49, 63, 81 ob., 90 ob., 92—92 ob., 121—121 ob. D. 269. Ll. 4—7, 175—180. (In Russ.).

Sibirskiy revolyutsionnyy komitet (Sibrevkom). Avgust 1919 g. — dekabr' 1925 g.: sbornik dokumentov i materialov. (1959). Novosibirsk: Novosibirskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).

REFERENCES

- Efremov, I. V. (2010). K voprosu o krasnom banditizme v Sibiri v period okonchaniya grazhdanskoj vojny (na materialakh yenisejskoj gubernii). *Nauka i sovremennost*, 2—1: 135—137. (In Russ.).
- Gutman, M. Yu. (2011). K voprosu o politicheskikh byuro pri nachalnikakh uyezdnnykh upravleniy militsiy (1919—1922 gg.). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 1 (49): 28—32. (In Russ.).
- Isayev, V. I., Mikheyev, D. Yu. (2019). Deyatelnost' militsii po osushchestvleniyu administrativnogo nadzora na territorii Sibiri v 1920-e gody. *Istoriko-pravovyye problemy: novyye rakursy*, 2: 79—91. (In Russ.).

¹ The article is part of the SB RAS program XII.190.2 “Historical development of Siberia as part of the Russian state: the role of traditions and innovations”. The project “Creation of an industrial base on the territory of Kuzbass at the end of the XIX - first half of the XX centuries.» (№ 0352–2019–0016).

- Kurenkov, A. V. (2013). Tomskiy gubernskom — chrezvychaynyy organ gosudarstvennoy vlasti (dekabr' 1919 g. — oktyabr' 1920 g.). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 366: 61—64. (In Russ.).
- Ocherki istorii partiynoy organizatsii Kuzbassa. V 3-kh chastyakh, 1—2.* (1973). Kemerovo: Kemerovskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Shatalov, E. A. (2011). Politicheskiye byuro uyezdneykh upravleniy raboche-krestyanskoy militsii: organizatsionno-pravovoy i regionalnyy aspekty stanovleniya i funktsionirovaniya. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika, 1 (73)*: 109—112. (In Russ.).
- Shishkin, V. I. (1992). Krasnyy banditizm v sovetskoj Sibiri. In: *Sovetskaya istoriya: problemy i uroki*. Novosibirsk: Izdatelstvo «Nauka», Sibirskoye otdeleniye. 3—79. (In Russ.).
- Teplyakov, A. G. (2000). Krasnyy banditizm. *Rodina, 4*: 81—86. (In Russ.).
- Vtorushin, M. I. (2013). Krasnyy banditizm v Sibiri kak forma revolyutsionnogo terrorizma: v 1919—1923 gg. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii, 1 (48)*: 69—73. (In Russ.).
- Yaroslavskiy, E. M. (1922). *O krasnom banditizme (mariinskoye delo)*. Tomsk: Tipo-litografiya tomskoy zheleznoy dorogi. (In Russ.).